

напряжение у читателя. Перевод подобного рода стилизованных произведений, отмеченных массивным присутствием этнокультурных маркеров — лингвокультурем — требует делакунизации и лингвопрагматической адаптации перевода с учетом специфики принимающей культуры и асимметрии на уровне лексикодов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
5. Фененко, Н. А. Функциональный потенциал реалий во французском художественном тексте / Н. А. Фененко. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2014. — 172 с.

ПЕРЕВОДИМОСТЬ И НЕПЕРЕВОДИМОСТЬ КАК ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

М. С. Давыдик-Патолятова, Е. В. Петровская

БРЕСТ, БРГУ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

Понятия переводимость и непереводимость трактуются в литературе по-разному. Иногда речь идет о принципиальной возможности перевода с одного языка на другой. В других случаях имеется в виду возможность нахождения эквивалента языковой единицы исходного языка в языке перевода. Возможность нахождения эквивалента обуславливается трактовкой понятия «эквивалентность», «адекватность», «сущность перевода».

Известна резко отрицательная позиция по вопросу о переводимости В. фон Гумбольдта, который утверждал: «Всякий перевод представляется мне безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно» [1, с. 319].

Подобный взгляд на переводимость самым непосредственным образом связан с одним из важнейших постулатов Гумбольдта о языке как форме выражения народного духа, об индивидуальной своеобразии языков, определяемом духовным своеобразием народа, о несводимости языков друг к другу.

Безэквивалентность и неполная эквивалентность достаточно распространены в разных языках, но в целом постулируется эквивалентность слов в разных языках, в основе которой лежит эквивалентность межъя-

зыковых понятий, отражающих один и тот же кусочек действительности. Сложность данного пласта лексики заключается в том, что усвоение иностранного языка не сводится к усвоению системы понятий. Язык состоит не из понятий, а из слов, семантика слова обуславливается лексико-фразеологической сочетаемостью и социолингвистическими коннотациями, поэтому случаи полного совпадения объёмов семантики и правил функционирования в речи весьма редки. Выводы, к которым приходят сторонники теории лингвистической относительности о наличии особого логического строя, отличного от логики индоевропейских народов, в мышлении носителей языков иного типа, являются результатом неразличения логических форм (логического строя мысли) и семантических форм (семантического строя) смыслового содержания предложений и иных языковых построений. Логический строй мысли один для всех людей, ибо он вытекает из природы человеческого познания, обусловлен потребностями познавательной деятельности человека и, в конечном счёте, потребностями практики. Поэтому никакие особенности строя языков не могут изменить его.

Именно эта общность логического строя мысли, общечеловеческий характер логических форм, а также наличие семантических универсалий, характеризующих язык вообще, составляют ту основу, на которой возникает принципиальная возможность переводимости.

Двуязычные словари внушают иллюзию наличия межъязыковых синонимов (термины). Ср. русск. *дом* и англ. *house*. Русск. *дом* шире по значению, оно включает любое здание, где живёт и работает человек, *домашний очаг* и соответствует в этом значении англ. *home*. Английское *дом как место работы* — *building, block of flats* — *многоэтажный дом*. Русское и английское слово различаются по употреблению в речи: *дом* обязательный компонент любого адреса, в английском вы просто пишете номер перед названием улицы. Иначе говоря, русское и английское понятие *дом* сформированы разными культурами и отличаются друг от друга.

Проблемы переводимости в связи с разноструктурностью языков, отсутствием полных межъязыковых синонимов в связи с различиями эмоционально-стилистического и сочетательного плана, разные социолингвистические коннотации преодолеваются на уровне текста.

Контекст (порой даже микро-контекст словосочетания) позволяет преодолевать семантические расхождения, вызванные несовпадением структуры семантических полей. Так, например, известно, что в русском и английском языках в семантических полях цветообозначения англ. *blue* соответствует рус. *синий и голубой*. Вместе с тем в переводе эта проблема сравнительно легко разрешается на основе минимального контекста: *blue eyes* — *голубые глаза*, *blue sea* — *синее море*, *blue sky* — *голубое небо*, *blue cornflower* — *голубой василёк*. Постулату непереводимости противостоит постулат переводимости, который в цитированной выше работе

В. Коллера сформулирован в виде следующей аксиомы: Если в каждом языке все то, что подразумевается, может быть выражено, то в принципе, по-видимому, все то, что выражено на одном языке, можно перевести на другой [2, с. 152].

Принципиальная возможность перевода убедительно подтверждается практикой, и, в частности, неоспоримыми достижениями переводчиков развития культурных связей между народами. Вместе с тем абсолютизация принципа переводимости едва ли соответствует реальным фактам переводческой деятельности, которая, как отмечалось выше, нередко влечет за собой известные компромиссы и потери, неизбежные в свете тех противоречивых задач, которые приходится решать переводчику.

Следует отметить, что при переводе текстов с экспрессивно-эмоциональной нагрузкой, художественно-эстетической ценностью в теории перевода возникают определенные отклонения:

1) отклонения от стандартной нормы язык (арго, сленг, диалект, социальный жаргон);

2) переводимость возникает не на уровне эквивалентности, а адекватности, то есть перевод максимально соответствует требованиям данной комм. ситуации.

Диалектизмы — через социальный компонент речи (просторечие и разговорный язык как приём компенсации);

3) передача варваризмов (потери и сдвиги в передаче содержания);

4) передача намеренной неоднозначности, когда она является функционально важной чертой:

- каламбуров — семантические сдвиги, стилистические приёмы;
- словесной игры — переводимость на уровне всего текста;
- ИС — говорящие.

Принимая решение о переводе, переводчик должен определить функциональные доминанты — инвариант и то, чем можно пожертвовать.

Переводимость — относительное, а не абсолютное понятие перевода на уровне частичной эквивалентности при соблюдении адекватности переводческого решения. Следует различать, с одной стороны, переводимость на уровне того или иного сегмента текста, а с другой — переводимость на уровне текста в целом. Подобно тому как полная эквивалентность представляет собой известную идеализацию реальной переводческой практики, полная переводимость также является далеко не всегда достижимым идеалом. Частичные потери, жертвы, приносимые во имя главной коммуникативной цели, — все это заставляет прибегать к переводу на уровне частичной эквивалентности, но при обязательном условии адекватности переводческого решения. При этом следует, однако, иметь в виду, что принципиальная переводимость, допускающая известные потери, исходит из того, что эти потери касаются второстепенных, менее существен-

ных элементов текста, и предполагает обязательное сохранение его главных, наиболее существенных элементов, его функциональных доминант. В этом заключается один из ведущих принципов стратегии перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — М. : Академия, 1984. — 432 с.
2. Колер, В. Переводимость и литература / В. Колер. — М. : Наука, 1983. — 212 с.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КУЛЬТУР В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.Н. ДЕНИСЮК

БРЕСТ, БРГУ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

Общепринято, что фразеологическая единица, или фразеологизм — это устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание, выполняющее функцию отдельной лексической единицы [1, с. 22].

Родоначальником теории фразеологии является швейцарский лингвист французского происхождения Шарль Балли. Однако вопрос о фразеологии как лингвистической дисциплине впервые был поставлен выдающимся русским лингвистом, профессором Е.Д. Поливановым, который считал, что фразеология «займет обособленную и устойчивую позицию в лингвистической литературе будущего, когда в последовательной постановке разнообразных проблем наша наука лишена будет случайных пробелов». Его предвидение осуществляется в наши дни. Б. А. Ларин был первым ученым после Е.Д. Поливанова, снова поднявшим вопрос о фразеологии как лингвистической дисциплине. Труды В.В. Виноградова способствовали появлению множества работ по фразеологии разных языков.

Язык и культура взаимосвязаны в коммуникативных процессах, в онтогенезе (формировании языковых способностей человека) и филогенезе (формировании человека социального). Язык отражает действительность, неотъемлемым компонентом которой является культура, создаваемая человеком; соответственно, язык отражает культуру. В процессе изменения действительности (экономической, политической, правовой, религиозной) изменяется и язык как отражение действительной культуры; меняются культурно-национальные стереотипы, язык, отражающий данные стереотипы. Таким образом, очевидно воздействие культуры на язык [2, с. 23].